

Трудно было сказать, сколько раз видел одну и ту же картину Нориэль. Пять раз? Десять? А может, ещё больше? Признаться, он и не пытался считать. Нориэль никогда не пытался погрузиться в происходящее, разумом убегая от того, во что был по уши втянут. Кто были все эти люди вокруг, следовавшие за Маликом? Какие у них были истории, были ли они порабощены варваром, или же они сами решили доверить ему свои жизни?

С кем из всех этих людей Малик договорился мягкими методами, а кого принудил к сотрудничеству подавляющей силой? Как он воздействовал на неподготовленные к манипуляциям сознания не привыкших к играм разумов людей? Они вообще осознавали, ради чего происходит то, что происходит?

Десятки и сотни мыслей проносились в сознании молодого эльфа, создавая внутри него микроскопические трещинки, одну за другой. Он морально подготовил себя к этому, поэтому держался, но это совсем не меняло того, что Нориэлю было безумно некомфортно находиться среди толп людей, многие из которых сегодня отдадут и заберут жизни. Это было совсем не тем, чего он хотел, когда предавался мечтам на дереве в Лесу. Прежде, чем отправляться в следующую жизнь, все эти люди могли сделать ещё столько всего. Такой потенциал, такие возможности!

Но какой от этого потенциала толк, если его сами же люди регулярно закапывают по каким-то абсурдным логике молодого эльфа причинам, вместо созидания занимаясь разрушением.

«У людей слишком плохая память, — поморщился Нориэль. — Они создают, затем разрушают и опять создают, чтобы вновь всё разрушить. Амбиции людей дают им невиданный потенциал, но его же и забирают, стирая всё на корню».

Нориэль безумно хотел увидеть когда-нибудь столь желанные каменные джунгли. Увидеть, как раса, которой он так восхищался, покоряла звёздное пространство и познавала мир вокруг.

Вместо же этого они занимаются полным безумием. Чем-то ужасным, отвратительным, естественным для природы и вместе с этим удивительно чуждым. Будто никаких внешних опасностей в мире не существовало!

— Тц...

Мальчишка скривился, что увидел шедший рядом с ним Малик, удивлённо хмыкнув.

— Редко можно увидеть тебя настолько недовольным, мой ушастый друг. Я и так знал, что эта весна войдёт в историю, но теперь, ха-ха, и подавно!

Нориэль покосился на возбуждённого варвара, покачав головой. Парень против воли оглянулся назад, чувствуя, как в нём усиленно продолжало что-то надламываться.

Его преследовало плохое предчувствие, природу которого он не мог объяснить, даже если бы сильно пожелал этого. На уровне понимания языков и письменности. Подросток просто знал их. Такое же естественное чувство, как и дыхание.

Вероятно, впервые в истории западные земли увидели такое большое скопление мужчин, собиравшихся нанести визит соседу. Больше двух тысяч человек, собранные более чем с десятка племён. Бывшие охотники, которых судьба заставила пройти... в определённой степени, переквалификацию. Организованное, грамотно разбитое на отряды войско, которых не первый год заставляли действовать вместе, объединяя племена, с командирами и подчинёнными, они устроили свой первый столь масштабный марш в западных землях под

предводительством всего одного человека.

Мальчишке казалось, что он с каждым мигом, с каждым шагом погружался во всё более сильный транс, лишь сильнее теряя связь с реальностью. Плохое предчувствие упорно преследовало его, не планируя отпускать, духи вокруг него безуспешно пытались ему помочь и успокоить, но — всё было бесполезно.

С каждым пройденным километром зрение молодого эльфа становилось всё более расфокусированным, дыхание потихоньку учащалось, сердце начинало биться быстрее. Окружение, начиная от слуха и заканчивая звуком, теряло чёткость, и лишь звук треска где-то в глубине сознания Нориэля оставался таким же громким и ясным. Чем ближе войско подходило к горной долине, перетекающей в леса, тем хуже становилось подростку. Он продолжал держать себя в руках, для Нориэля это был далеко не первый поход, но глубинному подсознанию парня на это было глубоко наплевать.

Ещё бы попытки трезво оценить ситуацию могли как-то помочь перерождённому духу справиться с внутренней бурей!

На протяжении всего пути Нориэлю приходилось периодически играть на флейте. На каждой остановке по всему войску разносилась волшебная игра, наполняя без всякой сверхъестественной силы верой в лучшее, в безоговорочную победу. Никто не мог сказать, какая буря происходила внутри Великого Духа.

Игра Нориэля была весёлой, бодрой, фальши в игре не существовало как класса, тоненькие ручейки распространившегося чуда бодрили и пусть совсем незначительно, но улучшали физическое состояние всего войска, за исключением самого флейтиста. Природа под воздействием игры Нориэля пела и танцевала, и не представляя, что несла в себе эта игра; что происходило внутри перерождённого духа. Его источник сжимался и словно скручивался, однако это совсем, казалось, не интересовало его.

Источник, что за последние десятилетия ничуть не вырос, оставаясь неизменно маленьким ручейком, который, кажется, и не собирался расти, застыв вместе с парнем в вечности.

Пожалуй, самым ироничным было то, что Нориэль, ещё совсем недавно учивший Каима не скрывать свои эмоции, скрывал их сейчас лучше, чем любой другой человек. Неожиданно, но у него, кажется, был в этом редкий талант.

Пейзажи сменялись один за другим. Они обходили глубокие реки, проходили через леса. День сменялся другим днём, лишь приближая ненасытное войско к своей цели. Благодаря Нориэлю они практически не чувствовали усталости, благодаря же Великому Духу, что незримой тенью следовал за их великим вождём, они знали, что победят. Малик добился своего, создав живого идола и объект поклонения, объединив умы сотен и тысяч людей под именем того, кто даже духом давным-давно не был.

Пусть совсем не обычный, но во многом простой подросток. Да, проживший столько, сколько не снилось ни одному человеку. Но каждый ли человек становится мудрым, прожив долгую жизнь?

А что, если эта «долгая жизнь» — лишь колесо из наивных мечтаний, мало на что влияющих размышлений и простого статичного существования, без какой-либо цели или увлечения?

Фактически, лишь встретив Айшу, Нориэль начал потихоньку по-настоящему расти и набираться мудрости. И даже так — заметно, заметно медленнее, чем простой человек. В

десятки, если не сотни раз.

Титул, что ему навязал Малик ради собственных целей, не имел ничего общего с реальностью.

— Великий Дух!

— Великий Дух!

— ...еликий Дух!

— ...ликий Дух!

— ...Дух!

Когда войско дошло до горной долины, покрытой густыми кронами деревьев, картинка перед глазами Нориэля окончательно потеряла фокус. Он видел происходящее перед глазами, его уши улавливали мельчайшие звуки, удивительным образом он всё понимал, но его разум был уже безумно далеко. Казалось, он стал запертым в собственном теле сознанием, что, будто не имея возможности влиять на материальный мир, наблюдало за происходящим, хотя это было не так.

Вновь Нориэль почувствовал себя деревом, что бесчисленное количество лет просто наблюдает за естественным течением времени, не имея возможности как-то повлиять на происходящее.

Только на этот раз ситуация во всех смыслах ужаснее.

Долго армия варвара незамеченной оставаться не могла.

— Летит, — хмыкнул Малик.

Молодой эльф сначала не понял, о чём говорил его... друг, но ненадолго: расфокусированный взгляд Нориэля зацепился за летевшую со стороны гор фигуру.

«Горные Ястребы не потому, что живут среди гор, — пронеслась мимоходом мысль у парня. — А потому, что летают, словно ястребы».

Годы жизни в племени и возможность наблюдать за самыми различными способами взаимодействия с чудом навели Нориэля на множество мыслей, которые, к сожалению, он не мог никоим образом ни подтвердить, ни опровергнуть. Всё, что он мог — лишь наблюдать, да предполагать.

Жалкая ситуация, особенно для того, чьё сердце было поглощено чудом.

— Трус, прячущийся среди облаков, — скривился Каим, сжав в руках копье.

— В тебе это говорит обычная зависть, сын, — упрекнул Каима Малик, не сводя взгляда с приближающейся фигуры. — Они лишь пользуются тем, что подарили им предки. Ты от них мало чем отличаешься. И это — правильно. Лишь глупец не будет пользоваться своими преимуществами.

Каим уже думал было что-то сказать, но быстро себя заткнул, чуть, едва заметно склонив голову — как перед отцом, так и перед стоявшим рядом с отцом и сыном Нориэлем, что невольно стал свидетелем происходящего.

— Мне жаль за мою глупость, отец, Великий Дух.

К счастью или сожалению, ни Малик, ни Каим не могли увидеть, в каком состоянии был молодой эльф. Лишь Нурай, что в полной мере смогла перенять восприятие матери и уйти ещё дальше.

Член племени Горных Ястребов не стал приземляться, застыв в воздухе напротив Малика, Каима и Нориэля. На других он и не думал смотреть, считая их чем-то вроде декораций. Одет он был довольно свободно, явно так, чтобы одежда не стесняла его движения. Мужчина средних лет был, следуя традиции всех западных земель, покрыт татуировками, символизирующими его статус и заслуги.

— Ты совершаешь большую ошибку, Насмехающийся над Традициями.

— Всё ещё отказываешься решить вопрос в, хех, честной дуэли? — задал явно риторический вопрос варвар, широко оскалившись. — За свою жизнь я ошибался лишь несколько раз, и это не тот случай, Цепляющий Когтями.

Было ли правдивым это утверждение? Пожалуй, Нориэль мог бы сказать, что — да. Малик ошибался, но безумно редко. Однако, как казалось подростку, это был тот безумно редкий случай, когда он оказался неправ. Нет, со своей стороны — абсолютно прав. Со стороны же подростка, которого он большую часть своей жизни называл другом и из которого сделал бессмертный символ...

Пожалуй, вероятно, это была ошибка. Достаточно грубая, чтобы назвать её самой большой ошибкой в его жизни.

Варвар всё ещё оставался варваром.

Неизвестный улетел. Ему не стали никак препятствовать, да и, скорее всего, не получилось бы. Армия же Малика направилась напрямик в горную долину, сокрытую высокими деревьями, скрывавшими пейзаж, что нанёс последний, самый сильный и разрушительный удар по психике парня.

Горная долина встретила Нориэля бесчисленными фиолетовыми цветами, в которых была усажена вся горная долина, так удобно переходящая в волшебный лес. Картинка перед глазами молодого эльфа стала неожиданно безумно чёткой, быстро бьющееся сердце буквально заledenело, на миг словно само пространство застыло, позволив перерождённому духу, явно издеваясь, в мельчайших подробностях всё рассмотреть и осознать.

«Малик соврал, — промелькнула мысль в голове безучастно уставившегося на прекрасные фиолетовые цветы Нориэля. — Он видел племя с фиолетовыми цветами».

— Приготовься, ушастый, — окликнул парня весёлый варвар, выведя из транса. — Твоё чудо сейчас может стать очень кстати, ха-ха! Как и много лет назад, а?

Нориэль молча поднял с цветов взгляд. Его длинное ухо дёрнулось, острый слух уловил, что их уже собирались встречать. Малик громко рассмеялся, его сила бурным потоком вырвалась, буквально уничтожая любую растительность на небольшой поляне. Армия закричала.

Фиолетовые цветы, прямо на глазах Нориэля, под его игру на флейте, совсем скоро утонули в красном.

Трек.

<http://tl.rulate.ru/book/94178/3266288>